

УДК 340.132

Принципы права как источники юрисдикционной практики современного российского общества

Сафин Р.И.

Соискатель кафедры теории и государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассмотрены концепции понимания правовых принципов и их влияние на формирование юрисдикционной практики. Автор преследует цель раскрыть сущность и назначение принципов права в правоприменительной деятельности. Результатом исследования является обоснование целевого подхода при построении юрисдикционной практики в Российской Федерации.

Ключевые слова: принципы права, правоприменительная практика, юрисдикционный процесс, источники права, правовое регулирование.

Затрагивая проблематику принципов права на современном этапе развития правовой системы, исследователь неизбежно сталкивается с неоднозначностью как самого восприятия категории «принципы права», так и его определяющим значением для регламентации общественных отношений. Между тем учение о правовых принципах имеет глубокие исторические корни и развивается со времен формирования римского права. В силу этого обстоятельства многие авторы придерживаются мысли, что в рамках правовой науки принципы остаются в целом статичным явлением, не подверженным внезапным и необоснованным изменениям [1; 2; 3].

Несмотря на кажущуюся устойчивость принципов права, в отечественной правовой доктрине продолжается полемика вокруг их содержания и предназначения. Во многом она детерминирована общими тенденциями, происходящими в юриспруденции на протяжении последних двадцати лет, когда основной акцент исследований сделан на развитии специальных правовых наук, а позиции общей теории права с каждым разом нивелируются [4]. Вследствие этого восприятие принципов в отечественной науке приобрело своеобразный характер, отягощенный отраслевыми особенностями.

Традиционным и первоначальным подходом считается понимание принципов как «основных начал», т.е. базовых элементов, на которых строится та или иная отрасль права, а равно определенный нормативно-правовой акт [5; 6; 7]. Для обоснования

такого вывода следует обратиться к истории возникновения учения о принципах права. Данная категория была заимствована из правовых учений Древнего Рима, где наблюдалось зарождение первых отраслей права, разделяемых по объектно-субъектному признаку. Дословно термин «*principium*» использовался в качестве обозначения закона, основы, первоначала. Именно данное качество повлияло на широкое распространение представления о принципах как основных началах в праве [8, с. 48]. Принципами стали называться руководящие основы, начала, идеи, положения, императивные категории, которые использовались при построении нормативного материала.

Действующее законодательство Российской Федерации также восприняло эту концепцию, выделяя в рамках вводных статей либо даже в рамках целого подраздела определенные принципы, задачи и цели, на которых построен предмет их регулирования. В частности, такая трактовка используется во многих кодифицированных актах. Например, ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [9], содержащая основной перечень гражданско-правовых принципов, именуется «Основные начала гражданского законодательства». Ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации [10] также делает акцент на основных началах законодательства о налогах и сборах как принципах налогового права.

Если провести параллели между нормативным материалом, разработанным преимущественно

на протяжении 1990-х гг., то ярко прослеживается склонность законодателя к использованию римско-правовой транскрипции по отношению к принципам права. Обратившись к законодательным актам, принятым в начале 2000-х гг., стал очевиден постепенный переход от восприятия принципов как основных начал к более конкретным формам. Например, в рамках гл. 1 Трудового кодекса Российской Федерации [11], принятого в 2001 г., слово «принципы» выделены в отдельную категорию на фоне таких элементов, как цели и задачи трудового законодательства, которые в совокупности представлены в качестве «основных начал трудового законодательства». В Кодексе РФ об административных правонарушениях [12], принятом также в 2001 г., смысловое сочетание «основные начала» не используется вообще, получив замещение категориями «задачи» и «принципы».

Если рассматривать законы, принятые на протяжении последнего десятилетия, то в них структурно не наблюдается акцент на «основные начала» или «положения». Принципы задействованы уже не в качестве принципов законодательства, как это происходило в более ранний период законотворческой деятельности, а в виде принципов отношений, регулируемых законом. Подобным образом сформулирована ст. 3 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [13], ст. 3 Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [14], гл. 2 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [15] и в др.

Более того, на современном этапе развития законотворческой деятельности наблюдается тенденция к полному отсутствию в нормативно-правовых актах упоминания категории «принципы». В частности, это – Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [16], Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [17] и ряд других.

Таким образом, даже в сравнительно недолгой исторической ретроспективе развития законодательства Российской Федерации прослеживается наглядный процесс изменения подхода государства к пониманию и значению принципов права. Безусловно, это не могло не отразиться на модификации научных представлений о рассматриваемой категории. В настоящее время правоведы настаивают, что следует различать принципы права, принципы законодательства, принципы правоотношений [18].

Отраслевые исследования все ярче демонстрируют необходимость более развернутого понимания принципов, наделяя их качествами правовой нормы [19; 20; 21]. При этом они выполняют, по существу, роль границ правового вмешательства государства и общества в определенный вид или группу общественных отношений, являются сдерживающим

фактором для законодателя и правоприменителя, определяют качественное наполнение нормативного материала [22; 23].

Сторонники такого восприятия принципов убеждены, что общий смысл «основных начал» исчерпал себя на этапе, когда количество источников права стало увеличиваться в геометрической прогрессии, а системные связи между большинством отраслей права постепенно исчезают [19; 23]. В качестве результата таких процессов классификация принципов приобрела новый окрас. Появились такие группы принципов, как межотраслевые, общеправовые, специальные, абсолютные, относительные, нормативные, доктринальные и т.д., что существенно обогатило учение о механизме правового регулирования и о системе права, но в значительной степени снизило роль общетеоретических наработок в этой сфере.

Вместе с тем сужение роли принципов до границ правового регулирования не является верным, поскольку замыкает суть этой правовой категории до технического уровня. Поэтому для понимания сущности и назначения принципов следует воспользоваться достижениями философской доктрины, в рамках которой происходит раскрытие основных общенаучных категорий. В частности, философская мысль акцентирует внимание на целенаправленной деятельности человека, оперирует целеполаганием определенного явления или процесса [24]. Тем самым для каждого из них выделяется предназначение, конкретная цель, которая может вписываться или выбиваться из определенной системы целей и ценностей. Такие же модели философы проецируют на юридическую сферу (например, принятие законов, проведение государственной политики, установления определенных стандартов) [25, с. 18].

Как известно, основной целью правового регулирования выступает правопорядок в рамках той группы или вида общественных отношений, которые подвергаются правовому воздействию. В таком аспекте цель закона и цель права совпадают. Затрагивая вопрос достижения целей, неизбежно приходится говорить о задачах нормативно-правового регулирования, которые, по существу, выступают промежуточным звеном между конечным результатом и средствами достижения цели, определяют основную юридический инструментарий [26, с. 356]. Как правило, в большинстве случаев они совпадают даже в тех отраслях права, которые не имеют общего предмета регулирования. Соответственно, для воплощения целей и задач правового регулирования устанавливается целая система принципов, выступающих своеобразными правилами, которые позволяют при их соблюдении добиться запланированных результатов, т.е. правового порядка [27]. Напротив, игнорирование правовых принципов обязательно сказывается на целях и задачах, либо отменяя их, либо видоизменяя [28].

Однако описанная модель назначения правовых принципов представляется сугубо теоретической. Современная законодательная техника не лишена дефектов. Кроме того, не стоит забывать о таких негативных правовых явлениях, как юридические коллизии, пробелы, дублирования, с которыми фактически приходится сталкиваться уже на правореализационном уровне. Можно отметить, что несовершенная система правового регулирования во многом предопределяет складывающуюся правоприменительную практику. Она, в свою очередь, активно развивается по причине наибольшей приближенности к реальным жизненным ситуациям, но приобретает самостоятельные черты, которые в определенной мере стали разделительной полосой между правоприменительным процессом и общими правовыми принципами.

Отмеченные тенденции проявляются в полном объеме далеко не во всех видах юрисдикционной деятельности. Например, в рамках административной, нотариальной, адвокатской, следственной практики игнорирование правовых принципов происходит в наименьшей степени, поскольку существенных полномочий по расширительному толкованию норм права соответствующим субъектам законодательство в этой области не предоставило. Напротив, острее процесс разрыва между формирующейся практикой и правовыми принципами наблюдается в судебной деятельности. При этом речь следует вести не о единичных случаях допускаемых судьями юридических ошибок, а о масштабных обобщениях и наработках, используемых высшими судебными органами в качестве руководящих положений. Иными словами, помимо сложившихся принципов права и принципов законодательства, судебная власть формулирует собственный круг принципов, которые необходимо соблюдать при отправлении правосудия для достижения целей и задач правоохранительной деятельности.

Указанное явление имеет под собой законодательную основу. В процессуальном праве одним из ведущих принципов считается принцип единообразия практики, который в аспекте федерального государства имеет особое значение, хотя далеко не всегда соблюдается на практике. По этой причине высшими органами судебной власти проводится сложная работа по отслеживанию текущих тенденций в развитии правоприменительной практики, которые зачастую находят отражение в специальных обобщающих документах (руководящих постановлениях, информационных письмах, обзорах практики). Несмотря на отсутствие в правовой системе России элементов прецедентности, процессуальное законодательство призывает всю судебную систему соблюдать положения, сформулированные высшими судебными инстанциями, в том числе принципы юрисдикционной практики.

Вместе с тем императивного указания на необходимость использования подобных конструкций в правоприменительной деятельности ни один закон не содержит. Поэтому ряд исследователей придерживаются стойкого мнения о дефектности подобного подхода к формированию принципов правореализации [29; 30; 31]. Прежде всего, критике подвергается сама идея о нормотворческой деятельности судов, поскольку подобным полномочием отечественное конституционное законодательство их не наделило. Соответственно, закономерным становится проблема воплощения права на оспаривание решений, действий и актов органов власти. В аспекте руководящих постановлений Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда РФ становится очевидно, что механизма их обжалования со стороны заинтересованных граждан не существует. Проводя параллель с законодательными актами, ученые отмечают, что они, как высшие источники права, могут быть оспорены в суде; напротив, руководящие постановления Пленума Верховного Суда РФ оспариванию не подлежат. Такое положение нарушает ряд конституционных принципов, но существует уже довольно продолжительное время, что дает основание для нескольких значимых выводов.

Во-первых, следует признать, что императивность ряда обобщающих выводов высших судебных органов является признаком принципиальности данных положений. По аналогии с принципами права они носят в основном статичный характер, редко подвергаются коренным изменениям и служат основой для построения юрисдикционной деятельности по отдельным категориям дел.

Во-вторых, ключевой функцией таких положений является уточнение смысла норм права, их толкование, решение вопроса об их применимости к данному конкретному делу и юридически значимым обстоятельствам. Вместе с тем, учитывая коллизионность отечественного законодательства, наличие довольно существенных пробелов в правовом регулировании, обобщения судебной практики позволяют восполнить недостающие нормативные элементы. Примечательно, что в этой связи судьям следует руководствоваться общими принципами права, исходя из чего можно констатировать, что принципы юрисдикционной практики так или иначе построены на правовых принципах и заимствуют основную часть их признаков.

В-третьих, следует учесть обязательность и неременность применения юрисдикционных принципов всеми участниками правоприменительного процесса. Это положение вытекает из институциональной системы современного правосудия, где игнорирование базовых положений практики в конечном итоге может быть подвергнуто оценке в высших судебных инстанциях даже в тех случаях, когда фор-

мального нарушения материального и процессуального права нет. Не случайно, все чаще в судах, особенно арбитражных, можно наблюдать ситуацию, при которой участники процесса ссылаются не на букву закона, а на постановления высших судебных инстанций или обобщение специальной практики.

В-четвертых, целевой компонент формирования рассматриваемых принципов юрисдикционной практики непосредственно связан с назначением и эффективностью осуществления правосудия, на что ориентирована не только правоприменительная деятельность, но и законодательство. В этой связи стоит отметить, что подобным образом юрисдикционные органы компенсируют недостающие инструменты правового регулирования для достижения ключевых целей и задач права.

Таким образом, можно констатировать, что принципы юрисдикционной практики являются разновидностью принципов права, обладают всеми их свойствами и компонентами. Однако в условиях отечественной правовой системы они имеют неоднозначный легальный статус, что порождает критику со стороны научного сообщества. Вместе с тем вопрос о законности формулирования подобных принципов и их применения в юрисдикционной практике носит исключительно формальный характер, поскольку упирается во внешнюю форму выражения данных положений. Традиционная научная школа, сформировавшаяся еще в советский период, построена на незыблемости законодательных положений. Соответственно, и в вопросе существования принципов права она исходила из их строгой законодательной оформленности. В связи с этим даже в развитии законодательного материала периода 1990-х гг. наблюдалось воплощение именно такой концепции правовых принципов. С увеличением роли юрисдикционных органов в правовом регулировании общественных отношений вектор определения правопорядка сместился в сторону правореализационных процессов, что неизбежно повлекло тенденцию к свободной трактовке принципов законодательства для обобщения выводов по наиболее часто встречающимся на практике вопросам. Отставание законотворческой деятельности от динамично развивающихся отношений породило, в свою очередь, потребность в формулировании юрисдикционными органами собственных правовых ориентиров, которые складываются как из общих принципов права, так и принципов правоприменительной практики. Более того, подобное развитие отечественной правовой системы сказалось на содержании нормативно-правовых актов, в которых, как было продемонстрировано в настоящей статье, постепенно исчезают такие концептуальные элементы, как принципы.

Литература:

1. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 44-50.
2. Попов С.В. Развитие принципов жилищного права и права на достаточное жилье в российском законодательстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 1. – С. 61-65.
3. Шибков О.Н. Влияние принципов международного права на российское уголовное право // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 136-137.
4. Кожевников С.Н. Право публичное и частное. Право материальное и процессуальное // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 2. – С. 2-4.
5. Турищева Н.Ю. Конституционный принцип равенства как основа уголовно-правовой охраны избирательных прав и права на участие в референдуме // Государство и право. – 2013. – № 1. – С. 113-118.
6. Арбатская Ю.В. Проблемы реализации принципа эффективности в бюджетном праве // Академический юридический журнал. – 2013. – № 1 (51). – С. 28-32.
7. Филиппова Э.М. О принципах в праве социального обеспечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 66-69.
8. Головин А. Понятие принципа права: некоторые вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 4. – С. 48-52.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации / Часть первая, от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2014. – № 19. – Ст. 2334.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации / Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 02.04.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. – № 31. – Ст. 3824; 2014. – № 14. – Ст. 1548.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 02.04.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г.; 1 (часть I) – Ст. 3; 2014. – № 14. – Ст. 1548.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (в ред. от 03.02.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
13. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О теплоснабжении» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4159; 2014. – № 6. – Ст. 561.

14. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571; 2014. – № 11. – Ст. 1091.
15. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900; 2014. – № 6. – Ст. 566.
16. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344; 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6990.
17. Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3435; 2013. – № 30 (Часть I). – Ст. 4084.
18. Акопджанова М.О. Воплощение принципа верховенства права в законодательстве и правоприменительной деятельности // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 2. – С. 186-189.
19. Полянина А.К. Принцип автономии личности в конституционном праве // Право и политика. – 2013. – № 13. – С. 1842-1848.
20. Грешнинова Н.А. Принцип состязательности в российском праве: теоретико-правовой анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26). – С. 13-17.
21. Гонтарь И.Я. Принцип справедливости и институт вины в уголовном праве // Lex Russica. – 2013. – № 8. – С. 906-919.
22. Пашенцев Д.А. Принцип справедливости в гражданском праве // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 4 (71). – С. 96-97.
23. Абызов Р.М. Принцип гуманизма применительно к личности в уголовном праве и законодательстве // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 3. – С. 50-53.
24. Бондаренко В.Н. Принципы философского постижения права // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2 (69). – С. 175-176.
25. Удодов А.Г. Цели и принципы правотворчества в России // История государства и права. – 2007. – № 6. – С. 18-21.
26. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М.: Аванта+, 2000. – 559 с.
27. Чаннов С.Е., Магомедов Ф.Б. Принципы права: сущность и значение в правовой системе // Гражданин и право. – 2014. – № 3. – С. 47-60.
28. Безруков С.С. О соотношении принципов и институтов уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 2 (13). – С. 95-100.
29. Персиков В.П. Принципы гражданского права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник магистратуры. – 2014. – № 5-2 (32). – С. 52-55.
30. Федина А.С. Содержание принципов арбитражного процессуального права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1. – С. 162-174.
31. Кокова Д.А. О принципах семейного права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 119-122.

Principles of Law as Sources of Jurisdictional Practice of Contemporary Russian Society

R.I. Safin
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon the conceptions of the understanding of legal principles and their impact on formation of jurisdictional practice. The author aims to reveal the essence and functions of law in law-enforcement activities. The result of the analysis is justification of purposive approach to formation of jurisdictional practice in the Russian Federation.

Key words: principles of law, law enforcement practice, juridical process, sources of law, legal regulation.

